

ОКТАБРИНА ВОРОНОВА

К ЮБИЛЕЮ

**Чем ты
притягиваешь,
родина...**

6 октября 1999 года Кольский край отмечает 65-летие первой саамской поэтессы. Вот уже девять лет этот день наступает без нее. Но она продолжает жить в поэтической россыпи оставленных ею книг "Снежница", "Вольная птица", "Ялла", "Чахкли", "Поле жизни", "Хочу остаться на земле".

Мир ее поэтического творчества вырос из народных песен и сказаний. Глубока и органична поэтика стихов саамской поэтессы о своем народе, о родной природе. В них звучат сердечность и красота простого бесхитростного слова о любви к своей Родине.

Октябрина Владимировна Воронова не дожила не только до своего шестидесятипятилетия, но и до выхода своей поэтической книжки на родном саамском языке. "Ялла" или "Жизнь" уже готовилась к изданию, но еще не вышла в свет, когда автора не стало. На алтарь зарождения саамской литературы была положена реальная человеческая жизнь. Так вправе ли мы забыть об этом? А ведь Октябрина скромная, стеснительная женщина, глядя на которую никогда бы не подумал, что она поэтесса, явилась одной из основоположниц на Мурмане праздника Славянской письменности и культуры в 1986 году и саамского слова в 1989. Она и первая саамская поэтесса, принятая в Союз писателей СССР.

Душа Октябрины Вороновой столь же широка, как просторы ее родной Лапландии. Сильнее, острее других впитала она в душу боль и печаль своей земли, своего народа, но, не умея

противостоять этим реалиям, — погибла. Но Октябрьина не ушла из жизни бесследно. Она оставила потомкам богатое национальное поэтическое наследие:

Стихи Октябрьины Владимировны подкупают нас своей откровенностью, душевной щедростью, близкой и понятной каждому. Удивительно передает она оттенки Севера:

Рдеют гроздья брусники
Средь белых
Застуженных мхов...

Для нее одухотворенность родной природы — очевидный факт, поэтому, казалось бы, и неодушевленные предметы выступают как живые существа:

Слабый ветерок задул под вечер,
Распушил поземки снежной прядь,
Мягкую, как будто шерсть овечья,
Белую и теплую, хоть гладь...

Природа чувствует, дышит, имеет свой нрав, меняет настроение. Она, как человек, может мерзнуть, гладить, вздыхать...

Мало радости выпало ей на долю, и сердце начинает щемить, читая:

Поскупилась жизнь на золото,
Горя выдала с лихвой...
Правду говорит не кокетничая:
Пятьдесят.
Уже полвека.
Как подумаю — беда.
Что осталось человеку? —
Было, было, было,
Да...

И, несмотря на это, разве напрасны были мечты и надежды поэтессы? Разве бесплодны оказались ее труды и стремления? Нет! Жизнь коротка и быстротечна, но главное — удалась она человеку или нет. Октябрине Владимировне удалась. Дети, внуки, насыщенная юность, наполненная взрослость, интересная учеба, дорогая сердцу работа над саамским словом, добрая память и благодарность потомков.

Удивительной оказалась и творческая дружба с поэтом и переводчиком ее стихов Владимиром Смирновым. Можно сказать, случайно испробовав себя в переводе, он по-настоящему увлекся и отдал переводам Октябрины на русский язык годы и годы, незаурядный темперамент, щедро вложил в эти самобытные стихи свое сердце и душу.

Смысл жизни. Вопросы бытия. Для чего мы пришли на Землю? Какой след оставим после себя? Октябрина Воронова думала об этом, переживала:

Хочу остаться на земле
Хотя бы искоркой в золе,
Хотя б в скупом рассвете дня,
Чтоб дети помнили меня.
Хоть малым лучиком во мгле —
Хочу остаться на земле!

И она осталась в памяти людей первой саамской поэтессой, любимой и читаемой. Потому что стихи Октябрины Вороновой тре-

вожат чуткие сердца своей правдой, стремлением к вечным истинам любви и добра. Они горят внутренним огнем красоты, потому что ее стихи — живые! Они явлены народу!

Надежда Большакова.

Член Союза писателей России. Создательница и хранительница музея саамской литературы и письменности им. Октябрины Вороновой.

* * *

Тундра моя — моя жизнь и любовь навсегда.
Сколько вершин у тебя, словно скатерти, ровных.
Как хорошо здесь, у неба! Да только сюда
Труден подъем среди скал и ущелий огромных.
Камень уронишь — гремит он, как в бочке пустой.
Робко на плиты ступаешь, как будто на мины.
Сердце забьется. Дыханье замрет. Но — постой,
Разве не так покоряем мы жизни вершины?

Ара-ра-ра! Ара-ра-ра!*

Жизнь без оленей — как будто без соли еда.
Жизнь без родителей — это сиротская доля,
Где вся еда — только хлеб и сырая вода,
Хлеб — не всегда, потому что ведь тундра — не
поле.

Темень и стужа. И выла пурга вдоль села.
Я, шестилетняя, нянчила кукол двухлетних.
Куклам живым как тогда объяснить я могла:
Все — на войне, и вот этот кусочек — последний?

Ара-ра-ра! Ара-ра-ра!

Скоро ли грянет победный весенний мотив?
Теплые зори — и те мимолетны и редки.
Но собирались, с собой инструмент прихватив,
Женщины сел на совсем невеселых супредках.
Иглы и ножницы, шкуры и прялки — в ходу.
Песни печальные плыли к черте горизонта.
Пели — а сами-то, преодолевая беду,
Малицы, пимы и тоборки шили для фронта.

Ара-ра-ра! Ара-ра-ра!

Годы войны не забудешь, как в плаче ни вой.
Годы замужества тоже не слаще бывают.

* — Постой, подумай (здесь и далее — саам.)

Пара оленей в упряжке идет грузовой,
Только одной их веревочной пуйней* впрягают.
Если олень упадет, не осия пути,
Значит, второму — копытами в лед, но пытаться
Вырвать упряжку из снега и дальше идти,
Чтоб малышам замерзать среди гор не остаться.
Ара-ра-ра! Ара-ра-ра!

Как на супредках, во мне и поныне звучат
Песни тех лет. Только греет в них давнее что-то.
Дети мои, приводите скорее внучат,
Я их понянчу. Мне нравится эта работа.
Я по вершинам всей тундры полярной прошла.
Дали и пастбища — все я окинула взглядом.
Кто говорит: не ахти как большие дела?
Стойте. Подумайте. Пропасти — вот они, рядом.
Ара-ра-ра! Ара-ра-ра!

* — деталь парной оленьей упряжки

* * *

Так у нас повелось,
 что издревле
 ни бабки, ни мамки
Не готовили нам
 ни дворцов,
 ни затейливых замков.
Спали мы на полу —
 на траве увядающей, рыжей.
Сквозь дырявые шкуры
 мы видели звездную крышу.
И лежало за пологом
 тундры пространство немое.
Наши стены снегами
 ветра бинтовали зимою.
Целый мир был нам домом,
 манящим неведомой далью.
Шестерых нас кормила
 скупая земля Заполярья.
На болотных местах,
 золотясь,
 вызревала морошка,
И гуляли в озерах сиги
 и сигнажи за мошкой.
Собирались на ламбинах гуси
 в отлетные стаи...
Неизвестно на чем,
 но с годами и мы вырастали,
Выбирали судьбу,
 как ружейный приклад, по размеру.

Кто учителем стал,
кто строителем,
кто инженером.

Но и нынче,
живя
в городской или сельской квартире,
Мы болеем о доме —
всеобщем,
единственном мире!

ГОРЫ

Есть старинный обычай у вдов, матерей:
Все печали выплакивать серым горам,
Где, как эхо, извечная боль лопарей
Накопилась в ущельях по скалам и мхам.

Где всегда, даже в стылых полярных ночах,
Словно женские слезы, струится река.
Дышат холодом камни, как мертвый очаг,
И, как дети, уходят в туман облака.

Горы высятся строго вблизи и вдали.
Над вершинами снежными дымка парит.
И мне кажется:
Это — ладони Земли,
Отдающие нам минерал —
лопарит*.

* — минерал, открытый на Кольском полуострове

* * *

Который год —
Полжизни ли, полвека, —
Горел огонь в жилище человека
И все же понемногу стал слабеть.
Однажды утром, днем ли, в поздний час ли
Вот так же в нас огонь душевный гаснет.
А как его раздуть в самих себе?..

Я шевелила кочергой поленья
И вдруг золу задела.
И мгновенье
Вдруг показалось: ранили меня,
Тупым ножом по сердцу резанули.
Так под золою заискрились угли,
Как будто жар душевного огня.

Я поняла:
Жилище не ослепнет
До той поры, пока в золе и пепле
Хранится хоть крупинка теплоты...
Живу я —
Для тебя лишь сердце бьется,
Я песнь пою —
В ней о тебе поется,
Я говорю —
А в думах только ты.

Я стою у крыльца,
На пороге родимого дома.
Белизна,
Белизна без конца...
Как все это знакомо!
Знаю: холод и снег
Повторяются неоднократно.
Но года,
Что прожил человек, —
Невозвратны.
Как любила я эти края,
Утро каждое песней встречая!
Не заметила:
Юность моя
Отцвела иван-чаем.
Солнце радости заволокла
Туча скорбная
В ливне и громе.
И в душе не осталось тепла,
Как в нетопленном доме.
Были счастливы мы,
Токовали весной на опушке.
А теперь
Посредине зимы
Я одна, как кукушка.
Ни покоя, ни сна.
Снова руки без сил опускаю...
Вот опять на дворе белизна,
Белизна-то какая!

* * *

Не буду я плакать,
Не буду заламывать руки.
Рыдать, голосить о прошедшем
Лопарке нельзя.
За делом пою
Свою песнь о любви, о разлуке.
И вдруг по щеке
Бисеринкой скатилась слеза.
Ну и что?

И руки и пальцы в движенье,
Мелькает наперсток.
Сижусь я и шью
И тихонько пою про житье.
Потуже мне швы затянуть
И привычно и просто.
Но все же непрошено
Капнет слеза на шитье.
Ну и что?

Я в доме одна.
Это время приходит такое.
С осеннею стужей
Поднялись птенцы на крыло.
Что им делать в гнезде?
Им еще далеко до покоя,
Им не скоро еще
Возвращаться в родное село.
Ну и что?

Сентябрь наступил.
И мне тоже пора на работу.
Закончилось лето,
Как грустная песня моя.
Опять окунаюсь
В большие дела и заботы.
И встретят меня
Школьный дом
И большая семья.
Так и есть!

* * *

Куда же ты, обласканная птица?
Остыл очаг былых горячих дней.
И что тебе в родном гнезде не спится?
Неужто воля впрямь тебе нужней?

Высок простор.
Он манит наши души,
Но что изменит он в твоей судьбе?
И кто еще споет на сон грядущий
Любовное признание тебе?

Лети, от ветра свежего шалея,
Держа большое тело на весу.
Мне холодно,
Но я не сожалею.
Мне тяжело,
Но груз я пронесу.

Живи, моя обласканная птица,
В своем небесном голубом раю.
Но если вновь придется приземлиться,
Ты знай:

я больше песен

не пою!

* * *

Не ищу я заколдованной травы,
Не зову к себе ни ведьм и ни чертей.
Где же счастье, о котором пели вы —
Все гадалки давней юности моей?

Ни товарища, ни друга у меня.
Голова, как склоны горные, седа.
Прошлогодним снегом душу леденя,
Все хорошее уходит, —
а куда?

Но гадалки утешают: ну и пусть.
Что печалиться?
И старость — не беда.
Ведь и в жизни-то была не только грусть
И не только снег,
не только холода...

* * *

Истаяла любовь, как звездный след.
Теперь уж — точно — не услышу вовсе
Слова, что я ждала пятнадцать лет,
Пятнадцать зим, и осеней, и весен.

Не дождалась...
А ты и не спросил, —
Да и к чему ненужные вопросы? —
Ушел туда, где дождик моросил
И где рыдали у реки березы...

Но от дождя
 теплее лишь земля.
Над ней бушуют запахи июня.
И первые густые зелены
Пьянят меня, как памятная юность.

И верится в родном своем краю,
Шагая по распахнутому лугу,
Что я гнездо по-новому совою,
И все начнется
 по второму кругу.

* * *

Камни, камни, камни, камни
Молчаливы, холодны,
Как росы студеной капли,
Как дыхание луны.

Эти камни предок ищет,
Чтоб занять себя трудом:
Пурнэ выстроить для пищи
Или даже — целый дом.

Польза помнится веками
До сегодняшнего дня.
Жернов, нож, топор —
из камня,
И кресало для огня.

А для праздника, веселья
Есть в камнях другой запас:
Жемчуга для ожерелья,
Аметисты иль топаз.

На горах, в лесах и в тундре
Мирный сон земли хранят.
И нередко с камнем люди
Сердце верное сравнят...

Камни, камни, камни, камни
Молчаливы, холодны,
Как росы студеной капли,
Как дыхание луны.

Сколько вас по тундре мгlistой, —
Не пытайся, не считай.
Край полярный —
каменистый
И родной навеки край.

* * *

Огонь костра сродни
Большому солнцу лета.
Он освещает дни,
Им люди обогреты.
То вспыхнет на ветру,
Как стяг, взметнувшись кверху.
То на полене вдруг
Мигнет пушинкой вербы
И пропадет во мглу,
Оставив горечь дыма
И серую золу
На почве нелюдимой...

А наша жизнь —
Она
С костром не схожа разве?
Кто в ней горит до дна
И в будний день, и в праздник,
Сам становясь, как стяг,
Для всех людей планеты...
Кто говорит:
— Пустяк,
В гореньи смысла нету...
Он так накоротке
И проживет, наверно,
Как тлеет в уголке
Глазок пушинкой вербы.
Его задавит мгла,
Задушит горечь дыма.
И на ветру зола
Рассеется незримо.

* * *

Сегодня ты явился мне во сне...

И на душе вдруг сделалось светлее.
И солнечные блики на стене,
Как в танце, закружились веселее.
Блестят полы и даже потолки,
Чиста, на кухне светится посуда.
Омыли зелень сосны у реки,
И весь поселок праздничный, как чудо.

Сегодня ты явился мне во сне...

Как будто кто-то с первою капелью,
Большой и добрый, в чуткой тишине
Зашел в мою заброшенную келью.
И в тот же миг свершились все дела,
Откуда только появились силы.
И на окне фиалка расцвела,
И я сама вдруг сделалась красивей.

Сегодня ты явился мне во сне...

А если бы ты рядом был со мною,
Сияло б вечно солнце в вышине
И никуда не пряталось зимою.
И вечно б рядом слышался твой смех,
Не становилось в комнатах темнее.
Счастливые умеют делать всех
Радужнее, добрее и умнее.

.....
Сегодня ты явился мне во сне...

Время — лекарь земли.
Все проходит с годами.
Забываются горе, печали, беда...
Только пропасть,
Что вдруг пролегла между нами,
Не уверена я,
 зарастет ли когда.

ПОНОЙ

Протянулась Кольским краем
Далеко-далёко,
Как попутчица людская,
Олмэ-вардэм-ёгкын*.

То бурлит среди утесов,
Как орлиный клёкот,
То замрет в спокойных плёсах
Олмэ-вардэм-ёгкын.

Наклонились над порогом
Пихты, сосны, ёлки.
Правит к морю путь-дорогу
Олмэ-вардэм-ёгкын.

Освещает над деревней,
Будто свет из окон,
Новой жизни след и древней
Олмэ-вардэм-ёгкын.

Чальмны-Варрэ**,
Мыс старинный,
Как лесное око,
Смотрит в синюю равнину
Олмэ-вардэм-ёгкын.

Сохранил до нас веками
Мудрости истоки
Предок, выбивший на камне
Олмэ-вардэм-ёгкын.

* — букв. река — путеводительница людей

** — название старого села (букв. "Глаза леса")

Взять враги ее пытались,
Хищные, как волки, —
Кровью ворогов питалась
Олмэ-вардэм-ёгкын.

Бури эти увлекало
Времени потоком.
И опять чиста, зеркальна
Олмэ-вардэм-ёгкын.

Пепелища зарастают
Трын-травой жестокой.
Волны к морю катит стаяй
Олмэ-вардэм-ёгкын.

Всем дано взлетать и падать,
Петь иль плакать долго.
Но останется, как память,
Олмэ-вардэм-ёгкын.

* * *

Пятьдесят.
Уже полвека.
Как подумаю — беда.
Что осталось человеку? —
Было,
 было,
 было,
Да...

На работе не ленилась,
Весела и не горда,
От людей не хоронилась, —
Было,
 было,
 было,
Да...

В очаге огонь держала,
Чтоб еда была всегда.
Скот пасла,
Детей рожала, —
Было,
 было,
 было,
Да...

Взять ружье и встать на лыжи —
Все могла я без труда.
Ты со мной казался выше, —
Было,
 было,
 было,
Да...

А из стада возвращаясь,
Лишь ко мне спешил всегда,
Дом наш взглядом освещая...
Было,
 было,
 было,
Да...

Как дожди, отморосили
И пропали без следа
Наша юность,
Наша сила.
Было,
 было,
 было,
Да...

Нет! — рыданье не годится.
Пусть все прошлое — былое.
И под старость мне гордиться:
Все, что было, —
 все мое!

БЕРЕЗА

На пожне,
На краю покоса,
Седая,
 древняя, как миф,
Растет двустволая береза,
Вершины к небу устремив.

Чтоб песни петь под небесами,
Народ обычно занятой,
Приходят коми и саами
По праздникам
 к березе той.

Она ветвями чуть поникнет, —
В подарки ветви облекут.
Кто бисера наденет нитку,
Кто шелка принесет лоскут.

Сливаясь звонким хороводом,
Как будто воды в ручейке,
Поют два тундровых народа
На всем понятном языке.
Поют легко,
Поют спокойно.
У них в любые времена,
Как у березы этой корни,
Земля-кормилица
 одна!

* * *

На все чудесные края,
Что за лесами, за полями,
Мое родное Заполярье
Не променяю в жизни я.

Пусть там прекраснее живется,
Теплей вода и ветерок.
Что мне на свете остается?
Семь расставаний,
Семь дорог,
Семь бесконечных дней недели,
Семь дуг, повисших над рекой,
Семь звезд Медведицы на небе,
Семь гор над северной тайгой.

Все это память днем и ночью
Хранит во сне и наяву,
Пока живу в сторонке отчей,
Пока живу,
Пока живу...

РИСУНКИ НА КАМНЕ

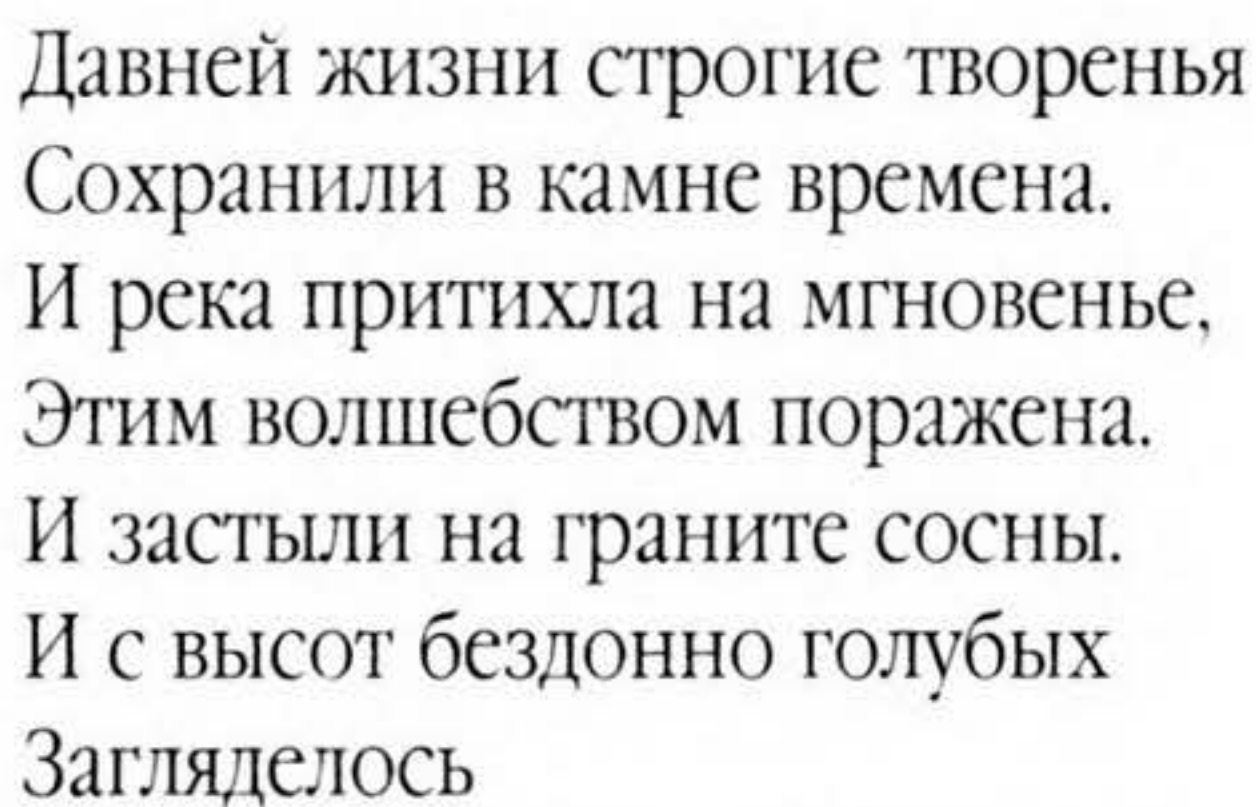
Серый и тяжелый, словно туча,
Камень наклонился над рекой.
Хмурясь у волны ее певучей,
Он хранил безмолвье и покой.
В грусти, что накоплена веками,
Думу передумав не одну,
Серый камень,
Мхом заросший камень
Все глядел в речную глубину.

А река звенела и журчала,
Впитывая талые снега,
И тепло и радость излучала
На леса,
 болота
 и луга.

Светлая, как ясный день весною,
Не чинила никому обид.
И однажды трепетной волною
Камень был обласкан и обмыт.

И как будто ожил он, вздыхая,
Отходя от векового сна.
И, на лбу широком проступая,
Древние открылись письмена:
Человек преследовал оленя.
А олень летел, что было сил.
И шаман усталый
 на коленях
Прямо к солнцу бубен возносил...

На рисунки пращуров моих.

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла.
Всего с лихвой дано мне было
В дорогу — света и тепла...
А. Твардовский. "За далью — даль"

Как помню я себя —
с тех пор
Живу средь праздников и буден.
Полвека светит мой костер,
Даря тепло хорошим людям.

Как ночь глухая ни мертва,
Но ранним утром, будто грезы,
Блестят на окнах кружева —
Творенье мастера-мороза.

В них ветви сосен и берез,
То тундры белые, то горы.
И каждый год хитрец-мороз
Сплетает новые узоры.
Не повторится никогда.
Что было — уж не будет снова...

Но отступают холода
Под натиском тепла шального.
Глазки проталинок черны.
Над домом пуночки летают.
И от дыхания весны
Узоры с окон пропадают.

Совсем не зря гласит молва,
Что в нашей жизни быстротечной
Людской работы кружева
Намного зимних долговечней.

Их руки нежные плетут.
И в днях, бегущих чередою,
Они творцов переживут,
Поскольку сделаны с душою...

Вот потому
В пургу ль, в тиши
Средь гор крутых и тундр убогих
Свети,
 костер моей души,
Всем, кто находится в дороге.

* * *

Чем ты притягиваешь, родина,
Чем ты влечешь, секрет открой:
Не той ли ровною болотиной?
Не этой ли крутой горой?

Сковало воды гулкой стужею,
Куда ни глянь — белым-бело.
Но этот лед — затем и нужен он,
Чтоб было озеру тепло.

За все заплачено сторицею.
Прочувствуй, сын мой, и скажи:
Не здесь ли Западною Лицею
Легли и наши рубежи?

Куда б ни привели скитания,
Тебе навек принадлежит
Земля под северным сиянием,
Где прах отцов твоих лежит.

ВРЕМЕНА ГОДА

Первая радость моя — наступленье весны,
Из-под сугробов — веселые талые воды.
Лес, пробудившийся от канонад ледохода.
Солнце высокое.
Небо и дали ясны...

Радость вторая — неяркий морошковый цвет,
Робкие листья короткого блеклого лета.
В тундре полярной — разливы бескрайнего света.
Всплески в озерах —
Утехи рыбацких примет...

Третья же радость — пора пожинанья плодов,
Чтоб закрома в каждом доме наполнились на год.
Есть на болотах места вызревания ягод,
А по лесам —
Заповедные кущи грибов...

Радость четвертая — снежные склоны горы,
Черное небо в больших ослепительных звездах.
Будто уходит земля на заслуженный отдых,
Теплою шубою
Недра укрыв до поры...

Только ко мне не приходит покой никогда.
Я лишь тогда обрету состоянье покоя,
Если однажды узнаю, поверю в такое:
Людам нужна я
Во всякие дни и года.

* * *

Хочу остаться на земле
Хотя бы искоркой в золе,
Хотя б в скупом рассвете дня,
Чтоб дети помнили меня.

Хочу остаться жить, любя,
В упрямом сердце у тебя,
В певучих голосах тайги,
В журчании живой реки.

Хочу остаться без оков
В прохладе легких облаков,
В чуть слышном шелесте травы,
В дороге, что избрали вы.

Хоть малым лучиком во мгле —
Хочу
остаться
на земле!

Отпечатано в МИПП “Север”.
Заказ 4917. Тираж 3000.

